

История общественного питания в России по законодательным источникам (1626–1861 гг.)

Аннотация. Предметом исследования стала сфера общественного питания в России с XVII в. и до 1861–1863 гг. (до времени реформирования системы торговли в целом и трактирного промысла в частности). В статье систематизируется законодательный материал указанного времени. Анализируется терминология, связанная с кулинарией, в ее общественном аспекте. Характеризуются основные формы организации общественного питания, их правовой статус, эволюция. Особое внимание обращается на специфику их функционирования внутри правового поля казенной монополии на питейную продажу. В данном исследовании для анализа отобран только один вид источников – законодательные документы – и произведен их сравнительный анализ на протяжении значительного временного отрезка. В рассматриваемый период эволюция общественного питания зависела от развития и организации питейного производства и торговли, особенно от условий откупа. С 1770-х гг. и вплоть до 1861 г. выстраивается иерархия заведений трактирного промысла в жестком соотношении с общей сословностью общества. На торговлю съестным невозможно переносить представления о частной собственности, свободных товарно-денежных отношениях и тем более рыночной конкуренции.

Ключевые слова: история общественного питания, история продуктов, история повседневности, история предпринимательства, история русского города, история мещанства, история сословий, история ресторанов, история трактиров, история гостиниц.

Abstract. The subject of this article's study is the sphere of public foodservice in Russia from the 17th century to 1861–1863 (before the reform of the trade system in general and of the tavern business in particular). The article systematises the legislative material of the named period. It further analyses the terminology concerning gastronomy in its public aspect and characterises the main organisational forms of public foodservice, their legal status and evolution. The author gives particular attention to the particularities of their functioning from within the legal framework of the state monopoly on food sale. In this study only one type of source is selected for analysis – legislative documents – and carries out a comparative analysis on a significant time interval. During the studied period the evolution of public foodservice depended on the development and organisation of the foodservice production and trade, especially on the conditions of repurchase. A hierarchy of tavern establishments was formed from the 1770s up to 1861 that strictly correlated to the general estate structure of society. It is impossible to carry onto the trade of edibles the concepts of private property, free commodity-monetary relations, and even less so of a competitive market.

Key words: history of public foodservice, history of products, history of daily life, history of entrepreneurship, history of Russian towns, history of the burgess, history of social estates, history of restaurants, history of taverns, history of hotels.

История общественного питания – область на пересечении классической этнографии, исторической экономики и истории повседневности. Данный факт предполагает комплексность и междисциплинарность исследований в этой области. Тем не менее сам термин – «общественное питание» – заимствован из лексики советского времени и ассоциируется с эпохой 1920-х гг., когда индустриализации всего кулинарного дела придавался жизнестроительный смысл (более широким по контексту был термин «народное питание»). Со временем это словосочетание

стало нейтральным понятием правовой практики, обозначавшим, как говорилось в «Большой советской энциклопедии», «отрасль народного хозяйства, которая производит, реализует готовую пищу и обслуживает потребителей». В такой трактовке указанная категория используется до сих пор, и не сформировалось никакой другой категории, которой можно было бы определить совокупность предприятий различных организационно-правовых форм и граждан-предпринимателей, занимающихся производством, реализацией и организацией потребления пищевой продукции.

Исторически такого понятия также не существовало.

Дело в том что вплоть до 1860-х гг. не возникло обобщающих терминов, обозначающих продукты питания, продававшуюся готовую пищу и саму торговлю кушаньями. Перечни в положениях XVII–XVIII вв., регламентирующих торговлю, не разделяли продукты и готовую к употреблению пищу: «мелкий харч», хлеба, «колачи» (1626); «съестные товары» (1649); рыба, икра, визига, мясо в мясоед, хлеба, калачи, «иные мелочные харчи» и овощи, «съестной харч» (1683); калачи, хлеба, пироги и прочие харчевые припасы, «столовые съестные харчи», мясо, рыба (1722). В XVIII в. «харчевники» и «маркитанты» употреблялись как синонимы. Пожалуй, только слово «харч» имело некоторое обобщающее значение – «продовольствие, на которое надо расходоваться». Как отмечают этимологические словари, впервые такая семантика встречается у Афанасия Никитина (его «Хождение» охватывает время 1466–1473 гг.). Но этим словом обозначали далеко не все продукты и готовые кушанья, а кроме того, оно продолжало использоваться и в прежнем, более широком, понимании – «хозяйственные расходы» (это понимание сохранялось в народной речи и в XIX в.).

В XIX в. законодатель упоминает «харчевой припас», «харчевую продажу», «съестное» (сюда не входят десерты и сладости), холодные или теплые закуски: «содержание стола, разумея тут как кушанье, так и разные к десерту употребляемые вещи», «напитки», а также «жизненные припасы, вареные и жареные». «Жизненные припасы» не тождественны понятию «стол». Употребление этих наименований зависело от положения торгующего ими заведения в «табели о рангах» общественного питания, тщательно выстраивавшейся с последней трети XVIII в. Для обозначения приготовления пищи на продажу употреблялся вначале термин «харчевный (харчовый) промысел» («харчевники» упомянуты в указах 1626 г.), а в XIX в. – «трактирный промысел», хотя не все заведения, подававшие кушанья, в официальной терминологии причислялись к «трактирным». Торговля съестным вразнос и в лавках относилась к сфере мелочной торговли. Соответственно не было создано положения или устава, относящегося ко всей сфере общественного питания.

И кроме того, внимание законодателя в большей степени обращено на столицу, и остается неясным, что должно было происходить

за заставами Москвы и Петербурга. Поэтому представить себе объемную картину «общепита» XVII–XIX вв. довольно сложно, даже если отвлекаться от того разнообразия, которое вносила жизнь в упорядочивающие акты законодателя. Чем мог перекусить горожанин или крестьянин вне дома, была ли покупка кушаний явлением чисто городским или даже столичным – законодательные источники дают неясный ответ. Но они наглядно показывают, что попадало в правовое поле, а что оставалось за его рамками. Именно в этих источниках четко зафиксировались представления законодателя о своей роли и о тех предметах, которые должны, с его точки зрения, быть объектами регулирования.

Здесь стоит обозначить несколько общих положений.

Во-первых, торговля съестным – в отличие от торговли спиртным – регламентировалась обычными налоговыми мерами. Большинство актов XVII – первой половины XVIII вв. регулируют торговлю именно с точки зрения пошлин и цен. Питейный же доход являлся важнейшей частью государственного бюджета, особенно в периоды казенной монополии на продажу спиртного, и был предметом неусыпного надзора законодателя. Напомним, кабаки и кружечные двory XVI–XVII вв. торговали только алкоголем, законно получить алкогольные напитки большинством населения можно было только там. С установлением в середине XVII в. государственной монополии на продажу спиртных напитков торговля съестным и торговля спиртным оказались в разных отраслях законодательства. Поэтому об устройстве и ассортименте питейных домов мы можем узнать гораздо больше, чем об устройстве и меню харчевен или постоялых дворов. Интерес законодателя к общественному питанию возрастал по мере разрешения продажи спиртного в трактирах, гербергах, гостиницах и т. д. Более того, статус и «лицо» заведения трактирного промысла первой половины XIX в. определялись не столько кушаньями, сколько алкогольными напитками, официально закрепленными за заведением данного типа. Вплоть до 1861–1863 гг. эволюция общественного питания зависела от развития и организации питейного производства и торговли, особенно от условий откупа.

Во-вторых, с 1770-х гг. и вплоть до 1861 г. выстраивается иерархия заведений трактирного промысла в жестком соотношении с общей сословностью общества. И с этого момента начинается дробная классификация товаров, раз-

решенных к продаже в этих заведениях, регламентация их услуг и антуража.

В-третьих, на торговлю съестным в XVII – первой половины XIX вв. невозможно перенести представления о частной собственности, свободных товарно-денежных отношениях и тем более рыночной конкуренции. Трактирщиков и харчевников акты XVIII–XIX вв. называют не владельцами, а содержателями. Право на открытие трактирных заведений, съестных лавок или на торговлю продуктами и пирогами вразнос подчинялось сословным законам, иногда совершенно игнорировавшим требования реальности. Так, Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. закрепляла за городскими сословиями торговлю съестным, однако в действительности торговали вразнос и в лавках преимущественно крестьяне под чужими именами, что законодатель и вынужден был признать актами 1799 и 1806 гг., давшими крестьянам право мелочной торговли в городе с уплатой акциза. Но из заведений трактирного промысла содержать крестьянин мог лишь харчевню и постоялые дворы. Недоимочный крестьянин или мещанин не мог поправить свои дела выгодным харчевным делом – официально требовалось свидетельство о бездоимочности. Права наследников содержателей впервые прямо оговорены лишь в 1851 г.: им предоставлено право сохранять заведение за собой «на основании правил о трактирных заведениях, если исполнят притом все условия, теми правилами требуемые; или же передать заведение другому лицу, буде не пожелают принять содержание оно на себя, либо, по состоянию своему и вообще по означенным правилам, не могут быть к тому допущены» [1]. Само число заведений такого типа ограничивалось законодательно. Прошение питерского мещанина Власова об открытии новой харчевни повлекло за собой переписку военного генерал-губернатора и министра внутренних дел, запрос в городскую думу, обсуждение в Комитете министров и высочайшую конфирмацию его решения. Так в 1841 г. в Петербурге появились еще три харчевни [2].

Все эти факторы обусловили специфику развития сферы общественного питания и ее отдельных компонентов.

Старейшими формами «общепита», по законодательным источникам, были постоялые дворы, харчевни и торговля готовой едой в харчевных рядах, в лавках, «шалашах», «скамьях» и вразнос. Внимание к ним законодателя

распределялось неравномерно. Постоялые дворы упомянуты в актах XVII–XVIII вв. без детализации. Наиболее подробен Наказ воеводам 1719 г.: он требует, «чтоб в каждом городе надлежащие постоялые дворы, харчевни и всякой съестной харчи и конские кормы были, которые б проезжих лошадьми, кормом и прочим всем в проездах их довольствоваться могли по самым настоящим ценам за деньги; а буде кто извозчикам за пищу в городах или в деревнях учинит какую обиду или недоплату, о том сыскивать, и по розыску на таких взять вдвое» [3, § 18, п. 6]. Постоялые дворы на протяжении всей своей истории так и оставались самым простым заведением общественного питания – и по сословно-налоговому положению, и по составу постояльцев, и по предлагаемым услугам: как указывалось, они нужны «для доставления дешевого приюта и продовольствия простому народу, к потребностям и привычкам коего эти заведения и должны быть принаровлены» [4, п. 52].

«Харчевники» упомянуты в указах 1626 г. [5, 1]. Харчевни XVII в. содержали торговые люди. В Москве они имелись «в Китае, и в Белом, и в Земляном, и за Земляным городом» [6]. Законодатель обращает внимание на них эпизодически. Так, например, ради сохранения торжественного вида главных улиц Петербурга оттуда предполагалось удалить все имевшиеся кабаки и харчевни и не открывать новых. Харчевни должны были располагаться традиционно – на рынке [7; 8]. Московские же харчевни беспокоили власти совсем другим – пожароопасностью в центре города с плотной деревянной застройкой. Сенатский указ предписывал перевести их в Китай-городе в построенное казенным коштом каменное в два апартамента строение. О переустройстве харчевен Белого города должно было состояться рассуждение Главного магистрата и Полицейстерской канцелярии [9]. В последней трети XVIII в. харчевни включаются в иерархию заведений трактирного промысла, а право содержать их – в иерархию сословных прав.

Гораздо точнее по законодательным источникам можно представить себе трактир – заведение, со временем давшее название всей отрасли хозяйства. Известны и дата основания, и имя первого владельца первого трактира: 6 февраля 1719 г. именным указом торговому иноземцу Петру Милле разрешено содержать на Васильевском острове «вольный дом» «таким маниром, как и в прочих окрестных государствах вольные дома учреждены, дабы в том доме иностранные

купеческие и здешние всяких чинов люди трактировать могли за свои деньги». Вплоть до конца XVIII в. указы будут употреблять слова «вольный дом» и «трактир» как синонимы (слово «трактир», родственное польскому *traktjernia* и итальянскому *trattoria*, восходит к латинскому глаголу *tracto/are*, одно из значений которого – оказывать гостеприимство, угощать). Как видим, с самого основания это заведение предназначалось для неподатных сословий, хотя петровский указ еще не приводит никаких санкций за нарушение этого правила. Главное новшество «вольного дома» – здесь было разрешено подавать и кушанья, и алкогольные напитки, причем изначально без ограничений в ассортименте. Основное содержание указа 1719 г. как раз и направлено на то, чтобы вписать приобретение напитков в существовавшую систему их казенной продажи. И в этом пункте санкция предусмотрена: «...а на сторону из того дома никому никакого питья бочками, анкерами, и бутылками, и ведрами, и чарками, так же и табаку не продавать и у себя в доме без указа никакой водки (продукт перегонки хлебного вина с дополнительным вкусом. – *Е. Д.*) не дистиллировать и заповедного питья не варить под жестоким штрафом» [10]. Итак, впервые в сфере общественного питания появилась возможность сочетать трапезу и потребление напитков.

Постоянная борьба властей с «корчемными питьями» (незаконной продажей алкоголя) очень ярко отразилась в законодательстве и, как следствие, в распоряжениях относительно трактиров. Благодаря одному из таких противокорчемных указов мы узнаем, что в 1730-х гг. в трактирах дозволено было подавать практически все базовые напитки: простое вино (основной алкогольный продукт, «хлебное вино», прообраз современной водки), водки (вкусовые настойки с дополнительной перегонкой), пиво и мед [11]. Этим же вызван и перевод петербургских трактиров на откуп в 1734 г. [12], откупная система для них сохранялась до 1861 г.

В трактирах была разрешена игра в бильярд. Туда запрещалось пускать камер-пажей [13]. Категорически запрещалось содержать «непотребных женок и девок», а также принимать для работ беглых крестьян и разночинцев [14]. Торговля должна была вестись с 9 утра до 7 вечера, после 7 предписывалось трактиры запирать (во избежание пьянства как причины драк и грабежей) [15]. Трактиры нельзя было отпирать до окончания обедни в праздничные и табельные

дни [16, ст. 203]. Нельзя было располагать в одном здании с народными училищами трактиры, кабаки и, что примечательно, харчевни: поскольку такое совмещение может «легко обратиться учащимся в соблазн и в отвлечение их от науки» и дабы «таковых средств к повреждению нравов и отвращению от науки юношества не было» [17].

Из указов неясно, являлись ли трактиры изначально и гостиницами. Вероятно, нет, т. к. в 1746 г. в Петербурге и Кронштадте были учреждены герберги, предоставлявшие и ночлег, и стол [18]. Предназначались они опять-таки для неподатных сословий: «...ради приезжающих из иностранных государств иноземцев и всякого звания персон, и шкиперов, и матросов також и для довольства российских всякого звания людей, кроме подлых и солдатства». Примечательно, что их деятельность уже первыми актами подробно регламентировалась. Герберги делились на 5 классов в зависимости от полноты предоставляемых услуг, и соответственно классу с них платился акциз. Указами количество определялось: 25 – в Петербурге, 5 – в Кронштадте. Так же законодательно закреплялось, сколько должно существовать гербергов каждого класса. Первый включал в себя наиболее обширный список предоставляемых услуг: «...квартиры с постелями, столы с кушаньем, кофе, чай, шеколад, бильярд, табак курительный, выше объявленные виноградные вина, гданская (пряная. – *Е. Д.*) и французская (коньяк. – *Е. Д.*) водки, заморский эльбирь и легкое полпиво». Указ подробным образом регламентирует именно продажу каждого вида спиртного: меры, источники покупки, возможность торговли на вынос, и кончено, акцизы – особо за каждый вид алкоголя. И здесь вводится очень важное ограничение, которое будет со временем распространяться на все заведения трактирного промысла: питья, продающиеся в кабаках, не должны продаваться в гербергах. Прежде всего это относилось к основному массовому алкогольному напитку – простому и двойному хлебному вину. В дальнейшем этот пункт уточнялся: кроме дозволенной французской водки, «прочих водок, двойного и простого вина, пива, меду, которое продается с кабаков, бузы, браги, вишневки, дулевки, яблоньки, грушевки и пьяных подсыченных квасов, отнюдь не продавать» [19]. Герберги, как и трактиры, оказывались на пересечении разных систем в организации торговли (оптовой и розничной, распивочной и на вынос) и соответственно пошлин для разных

видов алкогольных напитков: привозных виноградных вин, привозных крепких алкогольных напитков, привозного пива, пива – легкого и крепкого – местного варения, продуктов винокурения (ставшего в 1755–1765 гг. дворянской монополией) и т. д. Часть этой продукции была «вотчиной» откупщиков (общее по империи введение откупов состоялось в 1765 г.), часть подчинялась обычным правилам о пошлинах, некоторая часть оставалась предметом привилегированной торговли некоторых групп купцов. Это делало положение гербергов и трактиров противоречивым.

В законодательных источниках второй половины XVIII в. «герберги» и «трактирные дома» начинают употребляться как синонимы. На трактиры переносится первоначально не существовавший регламент напитков: так, разрешение построить по Московско-Петербургской дороге почтовые дворы и при них открыть трактиры сопровождалось списком допустимых напитков: «...при том дозволить же на тех дворах содержать для проезжих трактиры и продавать виноградные вина, полпиво, водку гданскую и французскую, кофе, чай и кушанье» [20]. Также во второй половине XVIII в. появляются упоминания о гербергах «в прочих городах, где оным быть пристойно»: они так же, как и столычные, теперь должны были отдаваться с торгов на откуп губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями [21, п. 4.]. Откупная система предполагала фиксированное количество гербергов и трактиров. Увеличение их числа было возможно лишь законодательным путем – с санкции верховной власти. В 1770 г. обе формы общественного питания были объединены общими правилами и подчинены четырехклассной классификации (с соответствующей раскладкой акциза). Тогда же появился еще один важный пункт: «...оные герберги и трактиры содержать в городах только тем, кои имеют право мещанства, а в уездах всякого звания людям, кроме токмо дворянских и духовных чинов». В более ранних актах сословная принадлежность трактирщиков не оговаривалась [22]. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. закрепляет за городскими условиями содержание трактиров, гербергов, торговых бань, харчевен и постоянных дворов, а также мелочную торговлю [23, ст. 19, 118, 142]. Более того, законодатель хотел видеть главным торгующим сословием купечество III гильдии, а посадских – преимущественно ремесленника-

ми, хотя им «не запрещается содержать и иметь трактиры, герберги, торговые бани, харчевни» и вести мелочный торг. Для купцов III гильдии вся эта деятельность «не токмо дозволяется, но и поощряется», причем не только в городе, но и в уездах [23, ст. 116, 118, 140–144]. Предполагалось, что даже прислуга в гербергах и трактирах должна набираться из посадских, записанных в городовую книгу [24].

Правительство видело в сословности некую общую рациональную упорядоченность, правильность распределения прав и обязанностей – точнее, привилегий и податей. Первоначально законодатель связывал с нарушением сословности прежде всего нарушения общественного порядка. Вот цитата 1755 г.: «Правительствующему Сенату небезизвестно, что те герберги содержат не на таком основании, как опубликованными о том указами повелено, и допускают в оные для питья самых подлых людей, от сего происходят в оных гербергах ссоры и драки и необыкновенные крики, карточные игры и другие зерни и прочие непотребности» [25]. В эпоху Просвещения язык указов приобретает и большую риторичность изобличений, и большую веру в упорядочивающую силу закона: «...отдают в содержание крестьянам, назвав его прикащиком, а в случае иногда и работником, которые их прикачки и работники, к точной обиде настоящих и порядочных содержателей, будучи побуждены, обще со всеми хозяевами к противной законам жадности к корыстолюбию, выстуя из пределов предписания, в законам установленному, о содержании трактиров по надлежащему установлению, относительно разделения по номерам, существующего к общей пользе проезжих и проходящих людей, сделали некоторые зловерными скопищами, заведя песельников, приглашая музыкантов и всякого звания людей распутного и развратного жития, в том числе призывают и зазорных женщин с извощиками, а сим посредством попадают в их тенета доброго поведения невинные всякого звания молодые люди, пользуясь укрывательством таковых содержателей, кои позволяют и всякие запрещенные игры в карты и кости, следовательно пьянство тут беспредельное, оканчивающееся обыкновенно всегда ссорами и драками, к совершенному затруднению начальств, а притом к стыду, совокупно и разорению здешнему гражданству <...> А чрез таковое незаконное покровительство крестьян и подобных им, не состоящих в мещанстве людей, питающегося в содержании одних толь-

ко трактиров и гербергов народа великого множества, возрастает всечасно во всем нужном чувствительная дороговизна, углубившихся же в привычку расточительности чужих и своих имении (доколе не будет пресечено) весьма умножается; не довольно что между такого поведения людьми непозволенная роскошь сделалась у них вообще неограниченна, но даже подлые люди наряжаются в платье, совсем состоянию несоответствующее, крестьянин, господской слуга, матрос, солдат и извозчик носят кафтаны и плащи тонкого сукна бархатные, сапоги, шелковые чулки, шубы лисьи и прочее, каковых по платью с имеющими право и достаток одеваться порядочно распознать не можно; они же, как всем тем описанным, так равно и на прочее, яко на кушанье и разные дорогие напитки и недозволенные игры проматываются бесстрашно, а когда повелено будет трактиры и герберги содержать самим хозяевам, как выше донесено, за всем же прочим по Уставу Управы благочиния усугубится прилежнейшее надзирание: то все изъясненные неудобства сами по себе истребятся; восстановлен будет совершенный порядок» [26].

Со строгим распределением алкогольных напитков за определенными типами заведений в аргументации законодателя добавляется другой мотив – защиты казенных питейных доходов: «...впуская в герберги таких людей, кои по состоянию своему не должны входить в оные, отвлекают множество людей от покупки в питейных домах и учреждений при них трактирах напитков, и чрез то, уменьшаясь продажа оных, делает не малой подрыв в принадлежащем казне доходе» [27].

Содержатели гербергов, насколько можно судить по отзывам конфликтов, попавшим в указы и манифесты, смотрели на сословность несколько иначе: как на максимально возможный учет потребностей и возможностей их клиентов: «...в гербергах же бывают люди чиновные и богатые, не имеющие чинов и недостаточные: сии последние, не имея достатка, зазирают себя трактовать, будучи в одном с чиновными покое; в рассуждении чего благопристойность требует, чтоб иметь разные покои и в них по сортам люди удовольствие б ощущали: недостаточные не мешались с людьми не малых чинов, а при том как незапрещенные при некоторых гербергах для неумевших играть на билиарде, и для увеселения летним временем во уединенных и пристойных местах кегельные игры». Содержатели гербергов просили разрешить им кегли (атрибут питей-

ных домов) и незапрещенные карточные игры (атрибут клубов), но сенатский указ подчеркивал: «...просимое ими позволение о содержании карточной и кегельной игры противно вышесказанному ж 1770 года указу, по которому никакой другой, кроме билиярда, в гербергах иметь не положено; а сверх того и указами 1761 года июня 19 и 1764 ноября 27, первым Правительствующего Сената дозволяется только употреблять в карты игру во дворцах Ея Императорского Величества и в знатных Дворянских домах» [27].

В конце XVIII в. харчевни были вписаны в иерархию объектов общественного питания: «В харчевнях никаких напитков, которые в питейных домах и в трактирах продаются, не держать и не продавать». Т. е. харчевня становится практически безалкогольной закуской. Как следствие, запрещено было размещать в одном доме харчевню и трактир, потому что в харчевни «входят и такого звания люди, какового в трактиры впускать запрещено, по заведении же оных в одном доме с трактиром, удобно могут доставляться и тем людям все из него напитки» [24].

Таким образом, вместе с законодательно закрепленным распределением спиртных напитков распределялись и формы досуга, можно сказать, образ жизни за каждым типом объектов общественного питания. Эта линия будет неукоснительно продолжаться до 1861 г. Единственное, что реальность «отвоевала» у законодателя, это право крестьян вести в городе (первоначально – в столицах, со временем и в других городах) мелочный торг. Лаконичный указ 1799 г. провозглашал: «По открывшемся обстоятельству, что здешнее купечество, не занимаясь само собою торговлею разных необходимо нужных мелочных товаров, попускает производить оную крестьянам под чужим именем, повелеваем Ратгаузу (городское правление 1798–1802 гг. – Е. Д.), по рассмотрению его, давать крестьянам временное право на сию торговлю, с платежом в городскую казну соразмерного каждому торгу акциза, продолжая таковое позволение до того времени, когда купечество само будет производить торговлю» [28]. В Москве это право было оставлено за крестьянами указом 1806 г. [29]. Специальный комитет, учрежденный в Москве для рассмотрения городских повинностей, подчеркивал: «Торговля в лавках хотя и принадлежит одному купечеству, но купцы московские весьма мало производили торг как в мелочных лавках в разных частях города, и особенно в отдаленных от рынков улицах, вмещающих в себе по небольшому коли-

честву всякой товар, к продовольствию в особенности недостаточных обывателей потребной, так во всех рынках съестными припасами, мясом, рыбою, хлебом, плодами и другими потребностями, которой издавна уже отправляли и ныне производят большею частию крестьяне с платежом установленного акциза (1799 г. – *Е. Д.*), до учреждения коего тот же имели торг от имен купцов и мещан, чрез что город лишался знатных доходов, а крестьяне часто были стесняемы мнимыми их хозяевами и лишались способов к распространению торговли, иногда ж и самых капиталов своих». Во избежание перекупок и монополии в таком важном деле, как продовольствие Москвы, комитет и полагал «дозволить крестьянам торговать в лавках, на ларях, лотках и вразнос всеми теми товарами и собственными их изделиями, кои предоставлено им Таможенным уставом привозить на торги и базары и продавать с возов», а также вне стен Китай-города и товарами, «кои торговля дозволена им Уставом столичного города Москвы». Практически весь общепит «экономкласса» теперь официально признавался крестьянским промыслом: «...дозволить крестьянам производить торг маркитантской в харчевнях, блиннях, особых избах и содержать постоянные дворы, а равно вразноску всякими фруктами, закусками и тому подобным, вареными, жареными, печеными и иначе приго-товленными съестными припасами или питьями, кроме горячих напитков» (в термин «горячие» в начале XIX в. включались и собственно горячие, и горячительные напитки) [29, гл. VI]. Съестные лавки разделялись на три разряда с соответствующим акцизом. Только лавкам первого разряда разрешено было торговать чаем, кофе и сахаром (а также каретами и городскими экипажами), первого и второго – «иностранными фруктами и закусками, разным маслом, сыром, каперсами, оливками, грибочками с специями и прочими иностранными поваренными припасами». И всем трем категориям съестных лавок разрешалось продавать: «1. Оптом и по мелочи мушные товары в зернах и молотые, всякое мясо, свежее и соленое, птицу и дичь, яицы, молоко, рыбу живую и соленую, икру, мед, снятки (сливки. – *Е. Д.*), уксус, садовые, огородные и полевые овощи, семена, коренья и травы, российские фрукты и закуски, всякие печеные и сырые российские, съестные припасы, веревки, мел, рогожи, кульки, лыки, мочалы, лапти, мошны, черезы (или «чересы», т. е. сумки. – *Е. Д.*), кирпич, известь, смолу, деготь, лещадь (каменные

или керамические плитки для печного дна. – *Е. Д.*), алебастр, муравленую, глиняную и всякую деревянную посуду, паклю, метлы, лопаты и тому подобное. <...> 2. Также восковые и сальные свечи, мыло, масло коровье и конопляное, сало, крохмал, пудру, помаду, шпильки, иглы, булавки, писчую бумагу, карандаши, сургучь, ладон, сандал, квасцы, купорос, синьку, клей, гарусные и нитяные шурки, тесьмы, гарус, нитки, медные, оловянные и железные мелочи, как то: кресты, серьги, перстни, кольца, наперстки, пуговицы, гвозди, проволоку и тому подобное. 3. Российских фабрик хрустальную и стеклянную посуду и стекло, старую мебель, старое железо и чугун, ломаное олово и медь, чугунную, железную и жестяную мелочную посуду, разные железные мелочи, как то: ножи, ножницы, топоры, серпы, косы, уклад клинчатой, лопатки, ломы, гвозди, проволоку, скобы, петли, крючки, замки и тому подобные мелочные товары. 4. Покромь, всякие лоскутья, кроме шелковых, парчовых, собольих, лисьих и крымских мехов. 5. Старые и новые простые зимние и летние повозки, колесы, строевой и дровяной лес, известь, белой и жерновой камень» [29, расписание Б].

Лавки не претерпели особых изменений в первой половине XIX в. Законодательные источники перечисляют хлебные, калачные, булочные, пряничные и колбасные избы, пекарни, в которых продают их печенья, лавки, торгующие сбитнем, медовым и простым квасом. Единственное ограничение в ассортименте съестных лавок – это особые условия продажи чая и колониальных товаров. Реформа трактирного и питейного дела 1861–1863 гг. сохранила их традиционный характер: «Съестным лавочкам предоставляется продажа как на месте, так и навывнос: 1) холодной маркитантской закуски и 2) горячей пищи, употребляемой простонародьем. Чай, пиво и крепкие напитки и табак к продаже в съестных лавочках не допускаются во все» [30, п. 56].

Также мало менялась и продажа съестных припасов «в разноску женщинами бедного состояния для рабочего народа и людей низкого состояния приготавливаемых», как это определил законодатель в 1806 г. [31]. «Для отвращения злоупотреблений в разносе товаров по городам постановляется, что в городах, кроме рынков, могут быть разносимы по улицам и домам одни съестные припасы, лакомства, шитое крестьянское платье и разные крестьянские изделия» [32, гл. VIII, § 85]. Такая торговля оста-

валась самой распространенной, старинной и востребованной формой «общепита» первой половины XIX в.

Еще одно важное новшество конца XVIII в., закрепившееся в начале XIX в., – это допущение еды в питейных домах. Надо сказать, что в законодательных источниках до 1794 г. не удалось найти ни прямого запрета, ни, напротив, какого-либо допущения пищи в кружечных дворах, кабаках, питейных домах (местах официальной продажи хлебного вина и водок). По всей видимости, о горячей пище речи просто не шло – сочетание обильно подающегося спиртного и открытого огня было небезопасным (достаточно вспомнить противопожарные ограничения даже для частных домов). Не встретились упоминания и о холодных закусках. Впервые в условиях винного откупа на 1795–1799 гг. появляется пункт: «...харчевая в питейных домах продажа отдается откупщику нераздельно с питейною продажей, за откупную сумму, какая с торгов состоится» [33, п. 4]. Закон не поясняет, обязательна ли эта продажа и что может быть ее предметом. Но общее правило повторено и в условиях 1803–1807 гг.: «Харчевая в питейных домах продажа предоставляется откупщикам нераздельно с питейною продажей за одну вышеозначенную откупную сумму (какая с торгов состоится). При том дозволяется им для харчевого продовольствия располагать оные со стороны опрятности в наилучшем виде, отдалением особых для того покоев» [34, п. 4]. В разных вариантах монопольное право откупщика на харчевую продажу в питейном доме будет повторяться в условиях питейных откупов первой половины XIX в., пока положение о питейном сборе 4 июля 1861 г. не запретит подавать съестное: «...в питейных домах, шинках и выставках дозволяется иметь для закуски только хлеб» [35, п. 269].

В начале XIX в. во многих сферах систематизируется правовой материал, накопленный за вторую половину XVIII в. Это верно и для регламентации трактирного промысла. По традиции первый из таких актов относился к столице: в 1806 г. указ «О содержании трактиров и гербергов, кофейных домов и прочих сего рода заведений» определял положение петербургских трактиров, кофейен, кухмистерских столов, харчевен, рестораторов (они причислялись к кухмистерским столам), постоялых дворов, порядок продажи съестного в рядах и вразнос [31]. Оно отличалось от положения московских кофейен и гербергов того же 1806 г., кроме того,

среди московских заведений значились «съестные трактиры» [29]. Для столиц была намечена иерархия этих заведений. Но главной сложностью в определении статуса предприятий трактирного промысла оставалась их увязка с винным уставом и условиями питейного откупа (условия обновлялись каждые четыре года). Видимо, поэтому первое системное положение в сфере общественного питания относится к 1821 г.: были приняты законы о заведениях трактирного промысла в столичных, а затем в губернских, портовых и уездных городах, в 1822 г. – в уездах [36; 37; 38].

Общими правилами устанавливалось, что все трактирные заведения должны были торговать с 9 часов утра до 11 вечера, кушанья должны быть из свежих припасов, напитки – добротные. Музыка, пение, пляски запрещены. Из игр только для гостиниц и трактиров разрешен бильярд при строго установленном количестве столов. Кушанья разрешалось отпускать навынос, напитки – нет.

Важнейшим определяющим ограничением для всех заведений был запрет подавать алкоголь, закрепленный за казенной продажей (в откупной системе или в системе прямого казенного управления). Это основные массовые напитки – простое хлебное вино и приготавливаемые из него наливки. В отличие от них водки, производимые на водочных заводах, разрешались к продаже в гостиницах, ресторациях, трактирах. Категорически запрещалось открывать любые трактирные заведения в домах, где есть казенная питейная продажа.

Впервые были четко обозначены те элементы сферы общественного питания, которые законодательно причислялись к заведениям трактирного промысла: 1) гостиницы, 2) ресторации, 3) кофейные дома, 4) трактиры, 5) харчевни. Этот порядок неслучаен. Самыми привилегированными заведениями оказывались гостиницы (а вовсе не ресторации или кофейные дома): законодатель полагал возможным содержание гостиниц лишь купцами первых двух гильдий. Самыми демократичными – харчевни, к содержанию которыми допускались даже крестьяне (имеющие свидетельства на право торговли). То же относилось и к допуску публики: «...вход в гостиницы, ресторации, кофейные дома и трактиры дозволяется всем, в пристойной одежде и наружной благовидности. Солдат же и людей в ливрее в заведения сии не впускать. Вход женщин в одни трактиры рав-

ным образом воспрещается» [36, § 23; 37, § 28]. В уездные трактиры, которые объединяли под этим названием все заведения трактирного промысла, кроме почтовых гостиниц и харчевен, воспрещалось «впускать простой народ в обыкновенной крестьянской одежде» [38, § 9]. Для харчевен законодатель не оговаривал никаких ограничений.

Естественно, что эта иерархия распространялась и на услуги. В гостиницах было разнообразное меню – кроме кушаний допускались десерт и широкий выбор напитков. В харчевнях дозволялось «содержать жизненные припасы, вареные, печеные и жареные, употребляемые людьми низшего класса, полпиво, обыкновенный квас и кислые щи (шипучая разновидность кваса. – *Е. Д.*)». Любопытно тщательное распределение напитков по положению 1821 г.: кофе подавался везде, кроме харчевен, пунш приготавливали только в трактирах, чай был привилегией гостиниц и трактиров (ресторациям чай пришлось разрешать отдельным постановлением 1821 г., харчевням – 1822 г., в кофейных домах он не подавался), а вот традиционные кислые щи и квас можно было пить только в харчевнях. Полпиво подавалось везде, пиво и мед не разливали только в харчевнях и кофейных домах.

Единственным специализированным заведением общественного питания по положению 1821 г. можно назвать кофейные дома: там нельзя было подавать обычных кушаний, но предписывалось «иметь мороженое, лимонад, оршад (оржат – *фр.* orgeat – прохладительный напиток с миндалем. – *Е. Д.*), кофе, шоколад, ликеры: иностранные и в России делаемые; фрукты, варенья, конфеты, пирожное, разные крендели, сухари и проч.» [36, § 18]. Кофейни получили исключительное право открываться в подвижных палатках, учреждаемых при гуляньях и других публичных собраниях.

Собственно трактиры мыслились как базовый элемент в системе общепита. Дозволенный им – от столичных до сельских – ассортимент был одинаковым: «...предоставляется: 1) содержать стол, чай и кофе, 2) продавать российские и иностранные виноградные вина, российские виноградные и фруктовые водки, ром, шром (алкогольный напиток, при его выделке используется лимонный сок. – *Е. Д.*), арак (крепкий алкогольный напиток из фиников. – *Е. Д.*), ликеры и пунш; водки хлебные, по 14 § Устава о питейном сборе изготовляемые на водочных заводах; настойки, из сих же водок делаемые;

полпиво легкое, мед, пиво и портер на манер англинского» [38, § 6]. Трактиры сдавались на откуп с торгов с заключением контракта на четырехлетие, соответственно и число их ограничивалось: 50 – в Петербурге, 40 – в Москве, в губернских и уездных городах – по определению губернского начальства, в селениях, посадах или заштатных городах – не более одного трактира. Содержать столичные трактиры могли купцы всех трех гильдий и мещане, а провинциальные и сельские – и торгующие крестьяне, имевшие свидетельство на право торговли.

Невозможно адекватно оценить лишь по законодательным источникам, насколько строго соблюдались ограничительные предписания. Но временами законодатель сам признает неэффективность некоторых запретов: в харчевнях чай подается (что и побудило официально разрешить его): «...предоставить харчевням иметь чай, употребление оного сделалось почти вещью первой потребности. Проезжие ремесленники и всякого рода люди привыкли и имеют надобность в суровом нашем климате в питье, согреть их можем. Сие так положительно, что нет почти крестьянина в богатых наших губерниях, который бы не имел в доме своем самовара и не употреблял чаю, посеми и в харчевнях требуют напитка сего, и оный большею частию, несмотря на запрещение в них, а особливо вне столицы, продается. Впрочем, как в харчевнях строго воспрещено содержание горячих напитков, то не можно опасаться, чтоб продажа чая могла произвести тот вред, который от употребления в ресторациях пуншу оказывается» [39].

Главным объектом внимания законодателя оставалось разграничение алкогольных напитков, условий их продажи и наказаний за нарушение правил: «...значительное умножение в столицах и прочих городах рестораций» причиняет ущерб питейным доходам и, «приучая простой народ к предметам более прихотливым и роскошным», может и вовсе расстроить систему питейного сбора [39]. Законодатель оказывался незаинтересованным в развитии и разнообразии заведений общественного питания. Эта тенденция вела к ограничению их числа, особенно с возвращением к откупной системе питейных сборов. Так, уже 1826 г. в Петербурге введены квоты на все трактирные заведения, кроме гостиниц [40]. Как в 1826 г., так и в 1835 г. закреплялось одно и то же количество: рестораций – 35, кофейных домов – 46, трактиров – 40, харчевен – 50 [40; 41].

Дальнейшее законодательство идет по пути детализации запретов, в том числе и ограничений для публики: «Вход в рестораны, кофейные дома и трактиры дозволяется всем в пристойной одежде и наружной благовидности. Солдат же, людей в ливрее и крестьян в простом крестьянском одеянии, как то: в армяках, смурых кафтанах, нагольных тулупах и вообще в развратном одеянии и замеченных в наглых, дерзких и буйных поступках в заведения сии не впускать. Равным образом запрещается вход женщинам в рестораны и трактиры. *Примечание.* Вход женщинам в гостиницы к общему столу не возбраняется» [40, § 28]. Это правило будет повторяться во всех распоряжениях о трактирных и питейных заведениях.

Также детализируются и допускаемые кушанья и напитки. В петербургских харчевнях запрещалось подавать «индеек, каплунов, пулярок, цыплят, дичь всякого рода и из числа живой рыбы: стерлядей, осетрину и белужину» [41, § 31]. Игра в бильярд закрепляется за трактирами, а в гостиницах разрешено играть в шашки, шахматы, домино [41, § 64]. В столичных трактирах в 1858 г. разрешены часы с механическими курантами, «но с тем, однако, чтобы механизм сих часов непременно устроен был согласно сделанным прежде сего Министерством внутренних дел на этот предмет указаниям». При этом запрещались всякого рода музыкальные машины, т. к. они могут «доставить лишь новый способ к привлечению в оные посетителей и содействовать к вредному скоплению там вообще людей праздных» [42].

В первой половине XIX в. существовали такие компоненты общественного питания, которые официально не причислялись к трактирному промыслу. Съестные лавки и постоялые дворы, хотя бы и предоставлявшие приезжим кров и пищу, к трактирным заведениям не относились. Противоположный полюс составляли вокзалы и привилегированные гостиницы. Так, гостинице при Царскосельской железной дороге было разрешено давать музыкальные вечера, иметь зал для частных балов и два бильярда [43]. Воксалам позволялись оркестры музыки, хоры цыган, пение тирольцев и тому подобные увеселения, однако там не допускались концерты, балы и маскарады [44]. Между этими полюсами существовали разные другие типы заведений с подачей кушаний: московские греческие кофейни, кукухмистерские столы, буфеты, кондитерские. В 1836 г. узаконен прообраз столовой – «стол без подачи напитков»: будничный

обед из 3 блюд в расчете на 100 человек, суп наливается не порционно, из напитков только квас и кислые щи. И опять же «в заведение сие воспрещается вход людям в ливрее, в русском платье, нижним воинским чинам и женщинам» [45]. В 1841 г. появляется новый тип заведения – «кафе-ресторант», – который больше отвечает представлениям о месте праздничной трапезы, чем уже существовавшие рестораны. Он и предназначался «для удовольствия публики высшего класса». Предметы торговли назначались для него в особом реестре: «1) Всякого рода прохладительное, а также чай, кофе, шоколад, глинтвейн, сабаион (сабайон – *итал.* zabaglione, zabaione; *фр.* sabayon – яичный крем с вином. – *Е. Д.*) и т. п. 2) Конфеты и разное пирожное. 3) Бульон, бивштекс и другие припасы, потребные для легких закусок. 4) Разные ликеры, наливки, вина российские и иностранные лучших доброт, портер иностранный и пиво русское лучших доброт. 5) Табак и сигары». Напитки подавались чашками или рюмками, а не порциями или бутылками (кроме шампанского). Кафе-ресторант имел черты клуба: столы не были накрыты постоянно, в кегельных и бильярдных можно было курить сигары, предусматривалось чтение газет (всех дозволенных российских и иностранных), а также игра в домино и шахматы. Предписывалось «прислугу иметь одетую в немецком платье, соответствующем цели учреждения» [46].

Изменения положения трактирных заведений в 1840–1850-х гг. были связаны с попытками реформирования откупной системы и, как следствие, – торговли основными спиртными напитками. Условия акцизно-откупного комиссионерства 1847–1851 гг. допускали по желанию трактирщиков продажу простого вина и хлебных водок, но исключительно от откупщика. [47, § 411]. При этом монополия откупщика на харчевую продажу в питейных домах только укреплялась: «Всякому постороннему без дозволения откупщика и письменного с ним условия, заключаемого также в декабре месяце и предъявляемого Казенной палате, запрещается торг холодными закусками как пред тем строением, в котором помещается питейный дом, так и ближе десяти сажен от оною, считая во все стороны. Воспрещается без согласия откупщика иметь головные, квасные и сбитенные лавки в тех домах, в коих существуют питейные дома» [47, § 81]. На четырехлетие 1855–1859 гг. предполагалось фигуру откупщика заменить «распорядителем»: последний получал с торгов только право оп-

товой продажи, дробная же считалась предметом свободной торговли [30]. Теперь продажа спиртных напитков (с зачетом акциза откупщику) дозволялась во всех трактирных заведениях, даже в харчевнях было разрешено простое хлебное вино (полугар). Таким образом, впервые за свою историю харчевни превратились в заведения с подачей крепкого алкоголя.

Расчеты акцизов и сборов усложнились. «В столичных и губернских городах распределение на трактирные заведения сложной суммы акциза, в 13 пункте 238 § назначенного, производится ежегодно, на каждый последующий год, в последней трети истекающего, следующим образом: средний акциз (в столицах тысячу рублей, а в губернских городах 1-го разряда пятьсот рублей и 2 разряда триста рублей) помножается на общее число трактирных заведений, в каждом городе имеющихся, и полученная таким образом цифра составляет общую сложную сумму акциза, в пользу распорядителя следующую, которая и распределяется ежегодно на каждое трактирное заведение пропорционально акцизу, платимому им в городской доход» [30, § 390]. «Распорядитель» имел право надзора за заведениями, производящими дробную продажу.

Действительное обновление сферы общественного питания также оказалось связано с реформой питейной продажи – ликвидацией откупной системы и казенной монополии на продажу хлебного вина.

Положение о питейном сборе 4 июля 1861 г. провозглашало свободу выкурки вина и свободу продажи при правительственном надзоре за тем и другим. С 1 января 1863 г. на большей части территории империи вводилась акцизная система [35]. С торговли напитками были сняты ограничения по цене, крепости, количеству продаваемых напитков и количеству мест продажи. Распивочно и навынос разрешалось торговать в питейных домах, временных выставках, шинках, корчмах или заезжих домах, постоянных дворах, портерных лавках и ренсковых погребках. Только навынос – в штофных, а также фруктовых, мелочных и т. п. лавках (это разрешение действовало до 1864 г. – *Е. Д.*). Только распивочно – в трактирных заведениях, в буфетах на станциях железных дорог и, с разрешения почтового начальства, в станционных домах. Во всех этих местах, за исключением портерных лавок, дозволялась продажа всех оплаченных акцизом питей – от спирта до меда. Заведения для розничной (розничной) продажи можно было

заводить во всяком населенном месте, а корчмы и постоянные дворы с питейной продажей – на проезжих дорогах, на переправах и пристанях.

Это полностью меняло и правовое, и повседневное положение заведений трактирного промысла. Неслучайно новое положение о трактирных заведениях было принято одновременно с новым питейным уставом и вводилось также с 1 января 1863 г. [4]. Впервые в этом положении дано правовое определение самого понятия: «Трактирное заведение есть открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наем особые покои “со столом”, либо производится продажа кушанья и напитков». В их список были включены: «а) гостиницы, б) подворья, в) меблированные квартиры (в столицах), отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдается более шести комнат, г) собственно трактиры, д) рестораны, е) кофейные дома, ж) греческие кофейные (в Москве), з) кафе-рестораны и кухмистерские столы для проходящих, и) харчевни, к) буфеты при театрах, балаганах, пароходах, на паромных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода, л) такие овощные и фруктовые лавки, где в особых покоях предлагаются на “месте” закуски и завтраки разными съестными припасами, м) городские галереи (в Москве) с правом держать стол и продавать напитки и н) открываемые на все летнее время палатки на гуляньях». Постояльные дворы и съестные лавочки по-прежнему не относились к трактирным заведениям. Для всех трактирных заведений с подаваемых и продаваемых кушаний снимались ограничения. Их можно было отпускать и навынос, как и безалкогольные напитки. Все алкогольные напитки продавались только распивочно, на их ассортимент снимались ограничения. В трактирных заведениях разрешались игры (только в харчевнях была запрещена карточная игра), бильярд, музыка. К содержанию любого заведения теперь допускались купцы, мещане, крестьяне с торговыми свидетельствами. Все они переводились на акцизную систему, в городах все держатели трактирных заведений составляли особое платежное общество с раскладкой акциза. Снимались ограничения с числа заведений в целом и с числа заведений у одного держателя. Впервые в этом положении отсутствовали какие-либо упоминания ограничений для публики.

Итак, с этого времени начинается новый период в эволюции сферы общественного питания – в условиях системы спроса-предложения.

Библиография:

1. О праве наследников содержателей трактиров и других подобных заведений на удержание за собою таковых заведений по смерти самих содержателей. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 4 июня 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 26. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1852. № 25259. С. 378.
2. О дозволении открыть в С.-Петербурге еще три харчевни. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, 12 августа 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 16. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1842. № 14801. С. 796–797.
3. Инструкция, или Наказ воеводам, январь 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 5. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 3294. С. 624–632.
4. Высочайше утвержденное положение о трактирных заведениях. Именной указ, данный Сенату, 4 июля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 36. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1862. № 37198. С. 70–78.
5. Указы о хлебном и калачном весе, 11 марта и 30 ноября 1626 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 4. С. 4–46.
6. О неотдаче харчевен в наем без поручных записей. Именной, 1 марта 1687 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 2. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 1237. С. 850–851.
7. О недопущении на главных линиях иметь кабаки и харчевни и о перемене ходов в погреба. Именной, данный Сенату, 2 декабря 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 11. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 8674. С. 278.
8. О выполнении именного 1742 декабря 2 дня указа касательно чистоты больших улиц в Санкт-Петербурге и о своде с них кабаков и харчевен. Именной, данный из Кабинета ее величества Сенату, 14 октября 1752 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 14. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, № 10032. С. 701–702.
9. О сломании в Китае городе деревянных харчевень, шалашей и прилавков и о построении каменного дома для помещения в оном харчевен из оброка. Сенатский, 2 ноября 1754 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 14. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, № 10319. С. 249–251.
10. О позволении Петру Милле завести на Васильевском острове трактир. Именной, объявленный генерал-полицимейстером Девиером, 6 декабря 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 5. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 3299. С. 649–650.
11. О покупке содержателям трактирных домов водок и простого вина у компанейщиков и о непродаже им корчемных питей. Указ из Камер-коллегии капитану Рогульскому, 21 июля 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 8. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 5592. С. 300.
12. Об отдаче вольных домов (трактиров) в Санкт-Петербурге на откуп, о заключении контрактов и о сборе с содержателя акциза. Сенатский, 5 апреля 1734 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 9. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 6566. С. 301–303.
13. О запрещении впускать камер-пажей и пажей в питейные дома и трактиры. Объявление генерал-полицимейстера Салтыкова Главной полицмейстерской канцелярии, 5 марта 1735 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 9. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 6703. С. 489.
14. О несодержании в трактирных домах непотребных женщин и о воспрещении иметь пивоварни между жилых домов. Сенатский, 6 мая 1736 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 9. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 6947. С. 805–806.
15. О наблюдении, чтобы в домах шуму и драк не было, и о продаже питей в кабаках и трактирах с девятого часа утра до седьмого часа по полудни. Именной, данный Полицимейстерской канцелярии, 17 октября 1740 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 11. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 8260. С. 275.
16. Устав благочиния, или Полицейский. Указ Сенату, 8 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 21. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 15379. С. 461–488.
17. О недержании в тех домах, в коих помещены народные училища, трактиров, питейных домов и харчевен. Высочайше утвержденная записка, 22 октября 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 22. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 16443. С. 686.
18. Об учреждении в С.-Петербурге и в Кронштадте гербергов и об отдаче оных в содержание российским купцам. Сенатский, в следствии именного, 9 июня 1746 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 12. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 9294. С. 558–559.
19. О бытии в С.-Петербурге двадцати пяти, а в Кронштадте пяти гербергам и о правилах содержания оных. Сенатский, 13 апреля 1750 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 13. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 9737. С. 253–255.
20. О постройке на станциях почтовых дворов и о дозволении на тех дворах содержать для проезжающих трактиры. Высочайше утвержденный доклад главноприсутствующего в Ямской канцелярии генерал-поручика Овцына, 6 июня 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 15. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 11565. С. 1033–1034.
21. О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах к прекращению лихоимства и взяток, о взимании с 1 января 1764 года по приложенному реестру положенных по новым штатам на жалование разных сборов и об отсылке оных в Штатс-контору. Манифест, 15 декабря 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 16. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 11988. С. 457–462.
22. О разделении гербергов и трактиров на четыре номера и о правах содержателей оных и откупщиков питейной продажи. Сенатский, по высочайше утвержденному докладу, 9 декабря 1770 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 19. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 13540. С. 174–176.
23. Грамота на права и выгоды городам Российской империи, 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 22. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 16188 [в томе ошибочно: 16187]. С. 358–384.
24. О неослабном смотре губернским правлениям и казенным палатам, дабы не происходило злоупотреблений по части питейной продажи в трактирах и гербергах, также в погребах и на водочных заводах. Сенатский, 1 августа 1795 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 23. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 17367. С. 751–755.

25. Об уничтожении гербергов, кроме тех содержателей, коим даны особые привилегии. Сенатский, 17 февраля 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 14. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 10363. С. 314–317.
26. Об утверждении положения о гербергах и трактирах в Санкт-Петербурге. Именной, данный Санкт-петербургскому главнокомандующему графу Брюсу, 9 ноября 1790 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 23. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 16917 [в томе ошибочно: 16957]. С. 183–188.
27. О учиненном С.-Петербургскою казенною палатою распоряжении относительно разделения гербергов и трактиров на разные нумера и о взыскании платежа акцизов. Сенатский, 28 мая 1787 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 22. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 16543. С. 851–858.
28. О даче временного права крестьянам производить мелочную торговлю с платежом в казну акциза. Именной, данный Сенату, 10 января 1799 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 25. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 18814. С. 524.
29. О городских доходах и расходах. Именной, данный Сенату с приложением доклада Комитета, учрежденного в Москве для уравнивания городских повинностей, 23 февраля 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 29. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 22030. С. 71–101.
30. Высочайше утвержденное положение о продаже казенного вина и изделий из оногo в великороссийских губерниях на четырехлетие с 1855 по 1859 год, 8 февраля 1854 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 29. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1855. № 27912. С. 77–175.
31. О содержании трактиров и гербергов, кофейных домов и прочих сего рода заведений. Именной, данный главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу от инфантерии Вязмитинову, 2 марта 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 29. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 22043. С. 121–129.
32. Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний. Дополнительное постановление. Манифест и именной указ, данный Сенату, 14 ноября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 39. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 30115. С. 588–612.
33. О дозволении помещикам курить вино для домашнего расхода и о предостережениях от корчемной выкурки и распродажи вина. С приложением условий на винный откуп. Сенатский, в следствие именного августа 22 дня, 17 ноября 1794 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 26. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 17271. С. 591–599.
34. О правилах произведения торгов по откупам. С присовокуплением высочайше утвержденных условий на винной с 1803 по 1807 год откуп. Сенатский, по высочайше утвержденному докладу, 3 июня 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 26. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 19902. С. 670–681.
35. Высочайше утвержденное положение о питейном сборе. Именной указ, данный Сенату 4 июля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 26. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, № 37197. С. 39–70.
36. Высочайше утвержденное положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Петербурге и в Москве, 2 февраля 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 37. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 28538. С. 581–591.
37. Высочайше утвержденное положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губерниях, портовых и уездных городах, 14 марта 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 37. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 28586. С. 656–667.
38. Об утверждении положения о трактирах по уездам великорусских губерний. Положение Комитета министров, 19 сентября 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 38. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 29187 [в томе ошибочно: 29887]. С. 615–619.
39. О позволении иметь чай в харчевнях. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату управляющим Министерством внутренних дел, 10 октября 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 38. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. № 29197. С. 628–629.
40. Об устройстве трактирных заведений в Петербурге. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 31 декабря 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, Б. г. № 793. С. 1357–1373.
41. Высочайше утвержденное положение о трактирных заведениях и местах для продажи напитков в С.-Петербурге, 6 февраля 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 10. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1836. № 7845. С. 112–128.
42. О дозволении употреблять в трактирных заведениях обеих столиц часы с механическими курантами. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, 25 декабря 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 33. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1859. № 33945. С. 553.
43. Об освобождении гостиниц, устроенных правлением Общества Царскосельской железной дороги, от всех повинностей. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, 3 мая 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 13. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1839. № 11199. С. 679–680.
44. О дозволении купцу Полякову открыть воксал в С.-Петербурге, на Петровском острове. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 24 марта 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 33. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1859. № 32909. С. 351.
45. О дозволении мещанину Алексееву открыть заведение под названием стола без напитков. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, 21 января 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 11. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1837. № 8802. С. 73.
46. Об учреждении в С.-Петербурге нового заведения под названием кафе-ресторант. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 11 апреля 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 16. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1842. № 14447. С. 300–301.
47. Об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 год казенного вина и других питей в великороссийских губерниях и Кавказской области. Сенатский, 12 января 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 21. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. № 19614. С. 33–131.

References (transliterated):

1. O prave naslednikov sodержatelei traktirov i drugikh podobnykh zavedenii na uderzhanie za soboyu takovykh zavedenii po smerti samikh sodержatelei. Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 4 iyunya 1851 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 26. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1852. № 25259. S. 378.
2. O dozvolenii otkryt' v S.-Peterburge eshche tri kharchevni. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, 12 avgusta 1841 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 16. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1842. № 14801. S. 796–797.
3. Instruksiya, ili Nakaz vovodam, yanvar' 1719 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 5. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 3294. S. 624–632.
4. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o traktirnykh zavedeniyakh. Imennoi ukaz, dannyi Senatu, 4 iyulya 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 36. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1862. № 37198. S. 70–78.
5. Ukazy o khlebnoy i kalachnoy vesu, 11 marta i 30 noyabrya 1626 g. // Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. 1849. Kn. 4. S. 4–46.
6. O neotdache kharcheven v naem bez poruchnykh zapisei. Imennoi, 1 marta 1687 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 2. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 1237. S. 850–851.
7. O nedopushchenii na glavnykh liniyakh imet' kabaki i kharchevni i o peremene khodov v pogreba. Imennoi, dannyi Senatu, 2 dekabrya 1742 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 11. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 8674. S. 278.
8. O vypolnenii imennogo 1742 dekabrya 2 dnya ukaza kasatel'no chistoty bol'shikh ulits v Sankt-Peterburge i o svode s nikh kabakov i kharcheven. Imennoi, dannyi iz Kabineta ee velichestva Senatu, 14 oktyabrya 1752 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 14. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, № 10032. S. 701–702.
9. O slomaniy Kitae gorode derevyannykh kharcheven', shalashai i prilavkov i o postroenii kamennogo doma dlya pomeshcheniya v onom kharcheven iz obroka. Senatskii, 2 noyabrya 1754 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 14. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, № 10319. S. 249–251.
10. O pozvolenii Petru Mille zavesti na Vasil'evskom ostrovu traktir. Imennoi, ob'yavlenyi general-politsmeisterom Devierom, 6 dekabrya 1719 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 5. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 3299. S. 649–650.
11. O pokupke sodержatelyam traktirnykh domov vodok i prostogo vina u kompaneyshchikov i o neprodazhe im korchemykh pitei. Ukaz iz Kamer-kollegii kapitanu Rogul'skomu, 21 iyulya 1730 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 8. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 5592. S. 300.
12. Ob ottdache vol'nykh domov (traktirov) v Sankt-Peterburge na otkup, o zaklyuchenii kontraktov i o sbore s sodержatelei aktsiza. Senatskii, 5 aprelya 1734 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 9. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 6566. S. 301–303.
13. O zapreshchenii vpuskat' kamer-pazhei i pazhei v piteinye domy i traktiry. Ob'yavlenie general-politseimeistera Saltykova Glavnoi politseisterskoi kantselyarii, 5 marta 1735 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 9. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 6703. S. 489.
14. O nesoderzhanii v traktirnykh domakh nepotrebykh zhenshchin i o vospreshchenii imet' pivovarni mezhdzhu zhilykh domov. Senatskii, 6 maya 1736 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 9. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 6947. S. 805–806.
15. O nablyudenii, chtoby v domakh shumu i drak ne bylo, i o prodazhe pitei v kabakakh i traktirakh s devyatogo chasa utra do sed'mogo chasa po poludni. Imennoi, dannyi Politseisterskoi kantselyarii, 17 oktyabrya 1740 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 11. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 8260. S. 275.
16. Ustav blagochiniya, ili Politseiskii. Ukaz Senatu, 8 aprelya 1782 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 21. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 15379. S. 461–488.
17. O nederzhanii v tekhn domakh, v koikh pomeshcheny narodnye uchilishcha, traktirov, piteinykh domov i kharcheven. Vysochaishe utverzhdennaya zapiska, 22 oktyabrya 1786 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 22. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 16443. S. 686.
18. Ob uchrezhdenii v S.-Peterburge i v Kronshtadte gerbergov i ob ottdache onykh v sodержanie rossiiskim kuptsam. Senatskii, v sledstvie imennogo, 9 iyunya 1746 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 12. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 9294. S. 558–559.
19. O bytii v S.-Peterburge dvadtsati pyati, a v Kronshtadte pyati gerbergam i o pravilakh sodержaniya onykh. Senatskii, 13 aprelya 1750 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 13. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 9737. S. 253–255.
20. O postroike na stantsiyakh pochtovykh dvorov i o dozvolenii na tekhn dvorakh sodержat' dlya proezhzhayushchikh traktiry. Vysochaishe utverzhdennyi doklad glavnoiprisutstvuyushchego v Yamskoi kantselyarii general-poruchika Ovtsyna, 6 iyunya 1762 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 15. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 11565. S. 1033–1034.
21. O napolnenii sudebnykh mest dostoinymi i chestnymi lyud'mi, o merakh k prekrashcheniyu likhoimstva i vzyatok, o vzimanii s 1 yanvarya 1764 goda po prilozhennomu reestru polozhennykh po novym shtatam na zhalovanie raznykh sborov i ob otsylke onykh v Shtats-kontoru. Manifest, 15 dekabrya 1763 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 16. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 11988. S. 457–462.
22. O razdelenii gerbergov i traktirov na chetyre nomera i o pravakh sodержatelei onykh i otkupshchikov piteinoi prodazhi. Senatskii, po vysochaishe utverzhdennomu dokladu, 9 dekabrya 1770 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 19. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 13540. S. 174–176.
23. Gramota na prava i vygody gorodam Rossiiskoi imperii, 21 aprelya 1785 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 22. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 16188 [v tome oshibochno: 16187]. S. 358–384.
24. O neoslbnom smotrenii gubernskim pravleniyam i kazennym palatam, daby ne proiskhodilo zloupotreblenii po chasti piteinoi prodazhi v traktirakh i gerbergakh, takzhe v pogrebakh i na vodochnykh zavodakh. Senatskii, 1 avgusta 1795 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 23. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 17367. S. 751–755.

25. Ob unichtozhenii gerbergov, krome tekhnicheskikh sozdatel'nykh privilegii. Senatskii, 17 fevralya 1755 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 14. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 10363. S. 314–317.
26. Ob utverzhdenii polozheniya o gerbergakh i traktirakh v Sankt-Peterburge. Imennoi, dannyi sankt-peterburgskomu glavnokomanduyushchemu grafu Bryusu, 9 noyabrya 1790 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 23. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 16917 [v tome oshibochno: 16957]. S. 183–188.
27. O uchinennom S.-Peterburgskoyu kazennoyu palatoyu rasporyazhenii otnositel'no razdeleniya gerbergov i traktirov na raznye numera i o vzyiskanii platezha aktsizov. Senatskii, 28 maya 1787 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 22. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 16543. S. 851–858.
28. O dache vremennogo prava krest'yanam proizvodit' melochnyuyu trgovlyu s platezhom v kaznu aktsiz. Imennoi, dannyi Senatu, 10 yanvarya 1799 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 25. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 18814. S. 524.
29. O gorodskikh dokhodakh i raskhodakh. Imennoi, dannyi Senatu s prilozheniem doklada Komiteta, uchrezhdenno v Moskve dlya uravneniya gorodskikh povinnostei, 23 fevralya 1806 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 29. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 22030. S. 71–101.
30. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o prodazhi kazennogo vina i izdelii iz onogo v velikorossiiskikh guberniyakh na chetyrekhletie s 1855 po 1859 god, 8 fevralya 1854 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 29. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1855. № 27912. S. 77–175.
31. O sodержanii traktirov i gerbergov, kofeynykh domov i prochikh sego roda zavedenii. Imennoi, dannyi glavnokomanduyushchemu v Sankt-Peterburge generalu ot infanterii Vyazmitinovu, 2 marta 1806 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 29. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 22043. S. 121–129.
32. Ob ustroistve gil'dii i o torgovle prochikh sostoyanii. Dopolnitel'noe postanovlenie. Manifest i imennoi ukaz, dannyi Senatu, 14 noyabrya 1824 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 39. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 30115. S. 588–612.
33. O dozvolenii pomeschikam kurit' vino dlya domovogo raskhoda i o predosterezheniyakh ot korchemnoi vykurki i rasprodazhi vina. S prilozheniem uslovii na vinnyi otkup. Senatskii, v sledstvie imennogo avgusta 22 dnya, 17 noyabrya 1794 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 26. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 17271. S. 591–599.
34. O pravilakh proizvedeniya torgov po otkupam. S prisovokupleniem vysochaishe utverzhdennykh uslovii na vinnoi s 1803 po 1807 god otkup. Senatskii, po vysochaishe utverzhdennomu dokladu, 3 iyunya 1801 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 26. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 19902. S. 670–681.
35. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o piteinom sbore. Imennoi ukaz, dannyi Senatu 4 iyulya 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 26. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, № 37197. S. 39–70.
36. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o gostinitsakh, restoratsiyakh, kofeynykh domakh, traktirakh i kharchevnyakh v Peterburge i v Moskve, 2 fevralya 1821 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 37. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 28538. S. 581–591.
37. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o gostinitsakh, restoratsiyakh, kofeynykh domakh, traktirakh i kharchevnyakh vo vsekhn gubernskikh, portovykh i uezdnykh gorodakh, 14 marta 1821 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 37. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 28586. S. 656–667.
38. Ob utverzhdenii polozheniya o traktirakh po uezdnam velikorusskikh gubernii. Polozhenie Komiteta ministrov, 19 sentyabrya 1822 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 38. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 29187 [v tome oshibochno: 29887]. S. 615–619.
39. O pozvolenii imet' chai v kharchevnyakh. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, ob'yavlennoe Senatu upravlyayushchim Ministerstvom vnutrennikh del, 10 oktyabrya 1822 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I. T. 38. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830. № 29197. S. 628–629.
40. Ob ustroistve traktirnykh zavedenii v Peterburge. Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 31 dekabrya 1826 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 1. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, B. g. № 793. S. 1357–1373.
41. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o traktirnykh zavedeniyakh i mestakh dlya prodazhi napitkov v S.-Peterburge, 6 fevralya 1835 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 10. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1836. № 7845. S. 112–128.
42. O dozvolenii upotrebyat' v traktirnykh zavedeniyakh obeikh stolits chasy s mekhanicheskimi kurantami. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, 25 dekabrya 1858 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 33. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1859. № 33945. S. 553.
43. Ob osvobozhdenii gostinits, ustroennykh pravleniem Obshchestva Tsarskosel'skoi zheleznoi dorogi, ot vsekhn povinnostei. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, 3 maya 1838 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 13. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1839. № 11199. S. 679–680.
44. O dozvolenii kuptsu Polyakovu otkryt' voksal v S.-Peterburge, na Petrovskom ostrove. Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 24 marta 1858 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 33. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1859. № 32909. S. 351.
45. O dozvolenii meshchaninu Alekseevu otkryt' zavedenie pod nazvaniem stola bez napitkov. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, 21 yanvarya 1836 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 11. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1837. № 8802. S. 73.
46. Ob uchrezhdenii v S.-Peterburge novogo zavedeniya pod nazvaniem kafe-restorant. Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 11 aprelya 1841 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 16. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1842. № 14447. S. 300–301.
47. Ob aktsizno-otkupnom komissionerstve dlya prodazhi s 1847 po 1851 god kazennogo vina i drugikh pitei v velikorossiiskikh guberniyakh i Kavkazskoi oblasti. Senatskii, 12 yanvarya 1846 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II. T. 21. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1847. № 19614. S. 33–131.